

**POST-SOVIET UKRAINIAN RADICAL SOVEREIGNTISM
IN COMPARATIVE PERSPECTIVE:
ULTRANATIONALIST PARTIES AND ETHNOCENTRIC UNCIVIL SOCIETY**

Andreas Umland

National University of Kyiv-Mohyla Academy
ORCID: [0000-0001-7916-4646](https://orcid.org/0000-0001-7916-4646)

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.01.00010>

Abstract: Party-political ultranationalism was and still is unusually weak, in electoral terms, in post-Soviet Ukraine. The three main political forces, the All-Ukrainian Union “Svoboda,” “Right Sector,” and “National Corps,” have – despite increased public awareness about them and growing general nationalist sentiments among the population of Ukraine – remained politically marginalized after the 2013-2014 Euromaidan. Neither the loss of Crimea nor the war in Donbass have increased the electoral support of radical nationalist groups. However, in the context of Russia’s ongoing “hybrid war” against Ukraine, ultra-right activists (sometimes associated with ultra-nationalist political parties) have gained greater recognition among the Ukrainian public since 2014. The activities of anti-democratic non-governmental organizations and their periodic cooperation with the Ukrainian state require careful monitoring. This article provides an overview of the development of the right-wing radical political spectrum in Ukraine before and after the “Revolution of Dignity.” The footnotes contain most of the relevant scientific literature on this topic in Ukrainian, English, Russian, and German.

Key words: ultranationalism, Ukraine, right-wing radicalism, uncivil society

**ПОСТСОВЕТСКИЙ УКРАИНСКИЙ РАДИКАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИЗМ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
УЛЬТРАНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ЭТНОЦЕНТРИЧНОЕ НЕГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

Андреас Умланд

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
ORCID: [0000-0001-7916-4646](https://orcid.org/0000-0001-7916-4646)

Резюме: Партийно-политический ультра национализм был в избирательном отношении пока необычайно слабым в постсоветской Украине. Три основные политические силы, ВО «Свобода», «Правый сектор» и «Национальный корпус», несмотря на возросшую общественную известность и растущие националистические настроения среди населения Украины, остались политически маргинальными после Евромайдана 2013–2014 годов. Ни потеря Крыма, ни война на Донбассе не повысили электоральную поддержку радикальных националистических группировок. Однако в условиях продолжающейся «гибридной войны» России против Украины ультраправые

активисты, иногда связанные с ультранационалистическими политическими партиями, получили большее признание в украинской общественности с 2014 года. Деятельность антидемократических неправительственных организаций и их периодическое сотрудничество с украинским государством требуют тщательного мониторинга. В этой статье дается обзор развития праворадикального политического спектра Украины до и после «Революции достоинства». В библиографии приводится большинство соответствующей научной литературы на эту тему на украинском, английском, русском и немецком языках.

Ключевые слова: ультранационализм, Украина, правый радикализм, негражданское общество

Введение

Как и в политических ландшафтах других стран, проявления суверенизма можно найти в идеологиях самых разных политических сил Украины. Эта статья касается только тех украинских партий, группировок и политиков, которые ввиду своего радикального национализма – а не исходя из других мировоззренческих предпосылок – имеют явную тенденцию к суверенизму. Фактическое антизападничество и практический изоляционизм украинских ультранационалистических групп иногда, правда, скорее имплицитные, чем эксплицитные. Радикальные националисты Украины частично объявляют, что готовы к вхождению Украины в международные организации и даже к сопутствующему сокращению суверенитета украинского национального государства.

Однако, такая формальная готовность к вступлению в западные и европейские структуры (если она, по сути, вообще существует) находится в противоречии к базовыми установлениям этих партий. Например, поддержка в сентябре 2014 года тогдашней парламентской фракции партии «Свобода» (о ней подробнее – ниже) ратификации украинского Соглашения об ассоциации с ЕС было, на самом деле, неоднозначным явлением. Это единогласное голосование свободовцев в однопалатном национальном законодательном органе Украины, Верховной Раде, за ассоциацию было на самом деле противоречиво. Выраженно антропоцентричные, всё более супранациональные и частично космополитические ценности и установки ЕС не совпадают с этноцентричными и нациократическими идеалами европейских правых экстремистов – в том числе и их украинской составляющей. ЕС не задуман как альянс «белой расы» и/или христианских наций; он никогда не являлся всего лишь проектом – в деголлевском смысле – «Европы отечеств».

Наоборот, Европейские сообщества, из которых вышел Евросоюз, возникли после Второй мировой войны (как, впрочем, и Совет Европы и Западноевропейский союз) не только как явно антифашистские и антиимперские, но и как имплицитно антинационалистические, антиэксклюзивные и антисуверенистские проекты. Универсалистские и инклюзивные аспекты послевоенного европейского проекта выразился уже рано, например, в т.н. Анкарском договоре 1963 года, т.е. в соглашении об ассоциации между Турцией и Европейским экономическом

сообществе (предшественником ЕС). В Анкарском договоре была записана и до сих пор содержится турецкая перспектива на будущее полное членство в ЕС – какой бы далекой такая цель сегодня не казалась.

По этим и похожим причинам большинство ультранационалистических группировок Европы – в том числе и большинство европейских партий, с которыми «Свобода» сотрудничала до 2014 года – настроены более или менее критично по отношению к ЕС. Частично они хотят фундаментально переформатировать, если не распустить Евросоюз в его сегодняшнем виде. Кажущаяся однозначная поддержка «Свободы» для украинской ассоциации с ЕС в 2014 году, на этом фоне, видимо, скорее определена геополитическими мотивами, чем глубокой нормативной близостью украинских радикальных националистов к идеалам европейской интеграции в том виде, в котором она сегодня происходит.

Какую роль играли украинские праворадикальные партии в украинской политике после 1991 года? Что изменилось и сохранилось в характере, проявлениях и позиции радикального национализма в украинском обществе после Евромайдана 2013–2014 гг. как начало нового этапа в новейшей истории Украины? Эта статья представляет короткий обзор развития постсоветского украинского партийного и «негражданского» ультранационализма со сравнительной точки зрения и в его историческом контексте. Она затрагивает некоторые электоральные, организационные и поведенческие особенности и изменения сегодняшнего украинского правого радикализма на фоне кардинальных изменений во внутренней и внешней политике Украины последних семи лет. Местами статья сопоставляет эволюцию партийного ультранационализма в Украине похожим явлениям в других стран. В заключениях предлагается предварительная оценка сегодняшнего состояния и возможных дальнейших перспектив украинского ультранационализма.

Электоральная слабость украинских правых радикалов

Вопреки международно распространённым стереотипам о современном украинском национализме, этноцентричный суверенизм и правый экстремизм в независимой Украине были и пока остаются относительно слабой общенациональной политической силой (Umland 2008c). В частности на протяжении большей части постсоветской украинской истории партийный ультранационализм – в отличие от организованного умеренного и однозначно прозападного национализма – был, почти непрерывно, неуспешным на выборах национального уровня (Kulyk 1999; Kuzio 2007; 2013; Umland 2013c; Umland et al. 2015; Nakhmanovych 2016; Vasyl'chuk 2018; Likhachov 2020).

За последние 30 лет украинское общество столкнулось с огромной социальной, экономической и международной напряженностью (Dyczok 2000; Aslund 2009; Lushnysky & Riabchuk 2009; D'Anieri 2010). Более того, националистические лозунги приобрели во время избирательного восстания в Украине в 2004 году, которое стало известно как «Оранжевая революция», известность и легитимность (Flikke & Kisselyov 2006; McFaul & Aslund 2006; Wilson 2006; D'Anieri et al. 2007). Также «Революция

достоинства» 2013–2014 годов, хотя и была демонстративно проевропейской, тем не менее имела аналогичные «национализирующие» эффекты (Shekhovtsov 2013e). Кроме того, она предоставила широкие возможности для пропаганды крайне правых групп, чьи представители и символы (флаги, наклейки, лозунги и т. д.) были видны не только на площади Независимости Киева, но и во всей стране (Wilson 2014; Marples & Mills 2015; Stepanenko & Pylynskyi 2015; Hale & Orttung 2016; Wynnyckij 2019). Хотя они не были ни идеологически направляющими, ни политически доминирующими, ни организационно решающими, радикальные этно-центристы являлись одной из составных частей восстания, которое стало известно как «Евромайдан» (Risch 2015; Shekhovtsov 2015; Likhachov 2018).

С 2014 года важным, если не самым главным фактором, который повысил восприимчивость украинского общества к различным формам национализма, включая его радикальные формы, стало военное нападение России на Украину (Toal 2016; Wood et al. 2016; Beichelt & Worschech 2017; Kuzio & D'Anieri 2018; Soroka & Stepniewski 2018; Averre & Wolczuk 2019; D'Anieri 2019). Инициированный Москвой «вооруженный конфликт» на Донбассе является «делегированной межгосударственной войной» России против Украины (Hauter 2019). Можно предположить, что создание благодатной почвы для политической радикализации и этноцентричной мобилизации патриотических частей – и, таким образом, разложение – украинской политической нации была и есть одной из инструментов многогранной «нелинейной» или «гибридной» российской войны против постмайданной Украины (Hosaka 2019; Mykhnenko 2020).

И действительно, внутри-украинское противостояние о том, как адекватно реагировать на действия Кремля, продолжает разделять украинский политикум и открывает точки входа в общенациональный политический дискурс для экстремистов (Umland 2016b). Но в отличие от Италии и Германии в 1920-х годах или Сербии и России в 1990-х годах, огромные утраты страны, связанные с проигранной горячей или «холодной» войной (т.е. потери жизней, здоровья, территорий, доходов, сбережений, инфраструктуры и т. д.), несмотря на свои значимые размеры в Украине, до сегодняшнего дня не привели к созданию мощного украинского ультранационалистического движения (Bakic 2013; Stojarová 2016; Kailitz & Umland 2017; Kailitz & Umland 2019). С другой стороны, в то время как крайне правые партии остались политически слабыми, радикально националистические политики и этноцентричные НПО стали к началу 2021 года более публичными, чем десять лет тому назад.

Различные действия Кремля против украинского государства до и после Евромайдана являются основными, но не единственными определяющими факторами для распространения правого экстремизма в современной Украине (Likhachev 2018b). Социологи уже давно сообщали о значимом распространении ксенофобских настроениях среди населения Украины, которые с течением времени только росли (Panina 2006; Paniotto 2008). Кроме того, существовал и существует широкий спектр радикально националистических концепций, теорий заговора и этноцентричных идей, уходящих корнями как в досоветскую и советскую, так и в раннюю постсоветскую

истории Украины (Dymerskaya-Tsigelman & Finberg 1999; Panina 2006; Paniotto 2008; Rudling 2019).

Среди них главную роль играла и играет популярная мифология о «жидо-большевизме», то есть антисемитская конспирология о якобы решающей роли евреев и иудаизма в подъеме и правлении левых радикалов во всём мире (Luks 2004; Hanenbrink 2018). Определенные межвоенные этноцентричные традиции Второй мировой войны были продолжены в некоторых частях украинской диаспоры, проживающей в Западной Европе и Северной Америке (Yurchuk 2017; Khymka 2019; Rudling 2020). Некоторые из этих – частично либеральных, частично интегральных – националистических идей после 1991 года были вновь введены активистами-эмигрантами в Украину, когда эмигрантские группы вышедшие из изначальной Организации украинских националистов, созданной в 1929 году, вступили в контакт со своей родиной (Lypovets'kyu 2010; Panchenko 2011; Rudling 2013).

Тем не менее, на национальном уровне, украинские крайне правые с треском провалились на абсолютно всех президентских и почти всех парламентских выборах – будь то в 1990-х, начале 2000-х годов или после Евромайдана (Таблица 1). Правда, в течение длительного периода времени партийно-политический посткоммунистический ультранационализм в Восточной Европе в целом оставался слабее, чем опасались некоторые компаративисты правого экстремизма после распада Советского блока и Союза в 1989-1991 годах (Kubicek 1999; Mudde 2002). Тем не менее, результаты крайне правых партий, союзов и кандидатов на национальных выборах в Украине с 1991 года и по сегодняшний день – удивительно постоянно низкие и зачастую очень плачевные (Таблица 1). Они стали со временем все более поражающей и заметной особенностью украинской постсоветской политики (Umland 2008b).

Электоральная слабость и низкая политическая легитимность украинских ультранационалистов, и с исторической, и со сравнительной точек зрения примечательны (Shekhovtsov 2013g). По крайней мере такое впечатление складывается, если рассматривать этот украинский феномен на фоне благоприятных условий для подъема ультранационалистов с 1991 года в Украине и одновременного роста различных крайне правых партий как во многих других странах Восточной, так и в некоторых государствах Западной Европы. От России (напр. ЛДПР) и Сербии (напр. Радикальная партия Сербии) до Франции (напр. «Национальный фронт») и Италии (напр. «Северная лига»), в течение последних тридцати лет, ультранационалистические партии несколько раз относительно успешно выступали на национальных выборах. (Среди сравнительных исследований европейских крайне правых, которые, в отличие от большинства других подобных исследований, включают рассмотрение постсоветских украинских ультранационалистов: Ramet 1999; Shekhovtsov 2011b; Mammone et al. 2012; Wodak & Richardson 2012; Wodak et al. 2013; Minkenberg 2015; Polyakova 2015a; Bustikova 2019).

Более того, значительная часть русскоговорящего и явно не украиноцентристского электората Украины в Крыму, на Донбассе и в России не могла, из-за российско-украинской войны, участвовать в президентских и парламентских выборах

2014 и 2019 годов. Однако, и эти дополнительные благоприятные условия не привели к избирательному прорыву украинского партийного ультрационализма. Сохраняющаяся общеполитическая незначительность правого экстремизма в законодательной и исполнительной ветвях центральной власти Украины привела, среди прочего, к тому, что академические расследования его современных проявлений остаются недостаточно развитыми (Umland 2013a). Это отличает сегодняшнее состояние исследований постсоветских украинских правых радикалов от, с недавних пор, явного подъёма академического освещения исторического украинского интегрального национализма межвоенного и военного времён и памяти о нём в независимой Украине (Zaitsev 2013; Rossoliński-Liebe 2014; Härtel 2015; Radchenko 2015; Zaitsev 2015).

Таблица 1. Электоральные успехи основных украинских крайне правых партий в президентских выборах и пропорциональных частях парламентских выборов в 1998-2019 гг. в процентном отношении (Заштрихованные строки: президентские выборы) (Umland 2014)

Партия/союз	Блок «Национальный фронт» (КУН, УКРП & УРП) / УРП / КУН	УНА / УНА-УНСО / ПС	Блок «Меньше слов» (ВПО-ДСУ & СНПУ) / ВОС
Выборы			
1998 (парламентские)	2,71 («Нацфронт»)	0,39 (УНА)	0,16 («Меньше слов»)
1999 (президентские)			
2002 (парламентские)		0,04 (УНА)	
2004 (президентские)	0,02 (Козак, ОУН)	0,17 (Корчинский)	
2006 (парламентские)		0,06 (УНА)	0,36 (ВОС)
2007 (парламентские)			0,76 (ВОС)
2010 (президентские)			1,43 (Тягнибок)
2012 (парламентские)		0,08 (УНА-УНСО)	10,44 (ВОС)
2014 (президентские)		0,70 (Ярош)*	1,16 (Тягнибок)
2014 (парламентские)	0,05 (КУН)	1,81 (ПС)	4,71 (ВОС)
2019 (президентские)			1,62 (Кошулинский)
2019 (парламентские)			2,15 (ВОС)**

* На президентских выборах 2014 года Дмитрий Ярош формально баллотировался как независимый кандидат, однако он был публично известен как лидер ПС.

** Избирательный список «Свободы» для парламентских выборов 2019 года объединил представителей всех более или менее значимых украинских крайне правых политических партий, но был официально зарегистрирован как список только ВОС.

Аббревиатуры: ВОС – *Всеукраїнське об'єднання «Свобода»* [Всеукраинское объединение «Свобода»], ВПО-ДСУ – *Всеукраїнське політичне об'єднання «Державна самостійність України»* [Всеукраинское политическое объединение «Государственная независимость Украины»], КУН – *Конгрес українських націоналістів* [Конгресс украинских националистов], ОУН – *Організація українських націоналістів* [Организация украинских националистов], ПС – *Правий сектор* [Правый сектор], СНПУ – *Соціал-національна партія України* [Социал-национальная партия Украины], УКРП – *Українська консервативна республіканська партія* [Украинская консервативная республиканская партия], УРП – *Українська республіканська партія* [Украинская республиканская партия], УНА – *Українська національна асамблея* [Украинская национальная ассамблея], УНСО – *Українська народна самооборона* [Украинская народная самооборона].

Короткий подъем «Свободы» в 2012–2014 гг.

За постсоветский период всего два года одна крайне правая партия, Всеукраинское объединение «Свобода» во главе с Олегом Тягнибоком, имела небольшую фракцию в Верховной Раде, с 12 декабря 2012 года по 27 ноября 2014 года, получив 37 из 450 мест в парламенте (Shekhovtsov 2013b). В течение примерно девяти месяцев у «Свободы» было, помимо этого, несколько министров в первом постреволюционном правительстве Украины в период с конца февраля до конца ноября 2014 года. На тот момент это обстоятельство вызывало международное беспокойство, в связи со, среди прочего, известными антисемитскими тенденциями в «Свободе» (Likhachev 2013d).

Тем не менее, относительный успех «Свободы» с результатом в 10,44% в пропорциональной части парламентских выборов в октябре 2012 года и ее включение в первое правительство после Евромайдана оказалось единственным коротким и, в целом, непоказательным эпизодом (Таблица 1). Кроме того, этот относительный успех крайне правых в 2012–2014 годах был следствием особых политических условий того времени (Likhachev 2013b). Специфические обстоятельства — как вскоре выяснилось, только временного — подъёма «Свободы», а также ее относительно образованный, проевропейский и городской электорат в октябре 2012 года уже тогда указывали на то, что ее относительно высокая поддержка среди украинских избирателей в этих парламентских выборах была скорее исключительным, нежели симптоматичным явлением (Belitser 2013).

Среди прочего, краткое продвижение «Свободы» в политику на национальном уровне было частично спровоцировано активизацией российской медиа-кампании и дипломатической активности, направленной против поворота Украины на Запад в результате «Оранжевой революции» и избрания умеренного националиста Виктора Ющенко президентом в конце 2004 года (Umland 2009b; Motyl 2012; Meister 2016). Временный взлет «Свободы» также можно частично объяснить тогдашним организационным беспорядком в национал-демократическом лагере. Парламентские фракции в 2007–2012 годах имели достаточно мандатов для формирования большинства в Верховной Раде. Тем не менее, «оранжевые» силы (названные так в память о восстании 2004 года) не смогли удержать часть своих депутатов в своих фракции после того, как весной 2010 года потеряли президентство и к власти пришел Виктор Янукович (Umland 2010).

Вступление «Свободы» в Верховную Раду после парламентских выборов 2012 года было, прежде всего, реакцией на явно пророссийскую деятельность различных членов нового украинского правительства с 2010 года (Likhachev 2013a). Своей явно пророссийской культурной и внешней политикой новоизбранный президент Виктор Янукович и его команда в течение почти двух лет радикализировали большую часть патриотического, в том числе и неэкстремистского электората Украины (Mosser 2013). Более того, в 2010–2012 гг. предпринимались очевидные попытки «политтехнологов» Януковича искусственно увеличить присутствие в СМИ тогда еще внепарламентских украинских крайне правых, в первую очередь представителей ВО «Свобода». Это делалось для того, чтобы разделить общий украинский патриотический электорат и партийный спектр, и чтобы получить, в виде «Свободы», удобного спарринг-партнера

для будущих выборов (Atanasov 2011; Shcherbyna 2011; Umland 2011; Shekhovtsov 2013f).

В то же время ряд депутатов, которые были избраны на предыдущих парламентских выборах 2007 года по спискам прозападных блоков «Наша Украина – Народная самооборона» и Юлии Тимошенко, предали в 2010 году свои парламентские мандаты после того, как Янукович стал президентом. Эти политики были в 2007 году избраны в парламент как национал-демократические депутаты по закрытым спискам. Однако, эти так называемые «тушки» весной-летом 2010 года перешли в пророссийскую правящую коалицию, поддерживающую кабинет явно пророссийски и евроскептически настроенного нового премьер-министра Николая Азарова несмотря на то, что их избрали как представителей «оранжевых» политических блоков Ющенко и Тимошенко. (Термин «тушки», т. е. предатели своих мандатов, не следует путать с «титушками», т. е. политическими головорезами, – лейблом, который появился только позже, с другой этимологией и другим значением). На этом фоне одно из ключевых предвыборных обещаний «Свободы» 2012 года – и, можно отметить, должным образом реализованное обязательство – заключалось в том, что ее кандидаты в депутаты в случае избрания в Раду не предадут мандат своих избирателей (Likhachev 2013c).

После победы «Революции достоинства» в начале 2014 года «Свобода» с несколькими министрами вошла в первый, переходный кабинет министров Арсения Яценюка после Евромайдана. Это, опять-таки, произошло, помимо прочего, из-за явных разногласий в «оранжевом» лагере. Включение «Свободы» в новое правительство явилось, в частности, результатом расхождений между двумя основными национально-демократическими фракциями, Всеукраинским союзом «Батькивщина» (Отечество), с одной стороны, и «УДАР» (Украинский альянс за демократические реформы), с другой. Распри среди национал-демократов в итоге привели к исключению УДАРа из постреволюционного временного правительства, хотя лидер этой партии Виталий Кличко был активным участником Евромайдана и на момент победы революции самым популярным политиком Украины. Чтобы избежать однопартийного кабинета, в конце февраля 2014 «Батькивщина» передала «Свободе» четыре правительственных поста – а именно, должности министра обороны (Игорь Тенюх), министра аграрной политики и продовольствия (Игорь Швайка), министра экологии и природных ресурсов (Андрей Мохник), одного вице-преьера (Александр Сыч), а также пост Генерального прокурора.

В течение следующих девяти месяцев «Свобода» Тягнибока во многом следовала политическому лидерству национал-демократов в правительстве. Например, министр обороны от «Свободы» Игорь Тенюх (который подал в отставку уже в конце марта 2014 года) согласился и поддержал спорное решение украинского руководства не противостоять военным путём насильственной аннексии Крыма Россией в феврале–марте 2014 года – позиция, которая неоднократно критиковалась разными праворадикальными активистами. В сентябре 2014 года парламентская фракция «Свобода» единогласно проголосовала за ратификацию Соглашения об ассоциации Украины с ЕС – в сравнительном отношении необычное поведение для

европейской крайне правой партии.

Это и ряд других аспектов тогдашней «Свободы» ознаменовали её определённый сдвиг в сторону политического центра во время и после Евромайдана. Как выше уже указано, дальнейшие благоприятные для украинских этно-центристов изменения в составе общего электората Украины произошли в результате аннексии Крыма и войны на Донбассе, приведших к исключению из голосования миллионов избирателей, которые вряд ли когда-либо проголосовали бы за украинские этноцентричные партии. Тем не менее, «Свобода» потеряла более половины своей поддержки в процентном выражении на парламентских выборах в октябре 2014 года по сравнению с её результатом на предыдущих выборах Верховную Раду в октябре 2012 года (Таблица 1) (Shekhovtsov 2014b). С результатом в 4,7% в пропорциональной части она не прошла пятипроцентный барьер, и получила лишь несколько парламентских мест в 8-й Верховной Раде 2014–2019 годов через избрание некоторых своих кандидатов в одномандатных округах.

На следующих парламентских выборах в июле 2019 года избирательная поддержка «Свободы» вновь сократилась более чем вдвое и составила всего 2,15%. Это произошло, несмотря на продолжающееся благоприятное для ультранационалистов сокращение голосующего населения Украины в 2014 году, пять лет войны с Россией и, в отличие от октября 2014 года, успешное формирование единого списка крайне правых сил, который включил все релевантные украинские этноцентричные партии (Таблица 1). Таким образом, по состоянию на середину 2019 года, ультраправое политическое движение Украины, в целом, и ведущая украинская ультранационалистическая партия, в частности, снова оказались на позициях, на которых они находились в середине 2000-х годов после ребрендинга бывшей Социал-национальной партии во Всеукраинское объединение «Свобода».

Полномасштабная революция, межгосударственная война, территориальные потери, многие социальные и другие лишения, которые произошли в Украине в результате Евромайдана, как это ни парадоксально, не помогли украинскому партийному ультранационализму на электоральном поле. Вместо этого, коренные изменения украинского общества с конца 2013 года, привели – или, по крайней мере, не помешали – к новой относительной общенациональной маргинализации украинских праворадикальных партий в результате парламентских выборов 2014 и 2019 годов (Bertelsen 2016).

Украинский ультранационалистический потенциал

Тем не менее, Украина не является, касательно её постсоветского правого экстремизма, исключением во всех отношениях. Она, как и большинство европейских стран, имела и имеет дифференцированный спектр соответствующих партий, который начал появляться уже в конце 1980-х годов (Nahaylo 1994; Bendza 1997; Kuzio 1997; Solchanyk 1999; Andryushchenko 2011; Bertelsen 2016). Как и в других ультраправых партиях по всему миру, антисемитизм был и остается характерной чертой дискурса некоторых из этих групп (Rudling 2012). С 1991 года около десятка более или менее

радикально националистических политических организаций приняли участие в национальных, региональных и местных выборах (Vasil'chenko 2013; Iovenko 2015). Иногда они создавали союзы либо друг с другом, либо с более умеренными партиями в избирательных целях (Mierzejewski-Voznyak 2018). Кроме того, крайне правые, в той или иной мере, участвовали во всех трех недавних так называемых революциях в Украине, в «Революции на граните» 1990 года, в «Оранжевой революции» 2004 года и в «Революции достоинства» (т.е. «Евромайдане») 2013-2014 годов (Kowal et al. 2019).

В руководстве крайне правых группировок Украины был и остается ряд видных персонажей с общенациональным признанием. Среди них:

- Юрий Шухевич, сын командующего УПА 1943-1950 годов Романа Шухевича (Rudling 2016, Isayuk 2015),
- Дмитрий Корчинский, яркий радикальный активист, часто выступающий в СМИ (Korchyns'kyu 1999; Rummyantsev 2006; Shekhovtsov 2013d; Umland 2016a),
- Олег Тягнибок, лидер «Свободы» и кандидат в президенты в 2010 и 2014 годах,
- Дмитрий Ярош, один из основателей «Правого сектора» и кандидат в президенты в 2014 году,
- Андрей Билецкий (или Белецкий), один из основателей батальона/полка «Азов» и руководитель партии «Национальный корпус», или
- Руслан Кошулинский, зампредседатель 7-ой Верховной Рады и кандидат в президенты от «Свободы» в марте 2019 года.

Помимо относительного успеха «Свободы» на парламентских выборах 2012 года, украинские крайне правые также имели успехи на региональных и местных выборах и в ряде одномандатных округов во время парламентских выборов – особенно в Галиции (Olszański 2011; Shekhovtsov 2011a; Iovenko 2015). Более того, как и ультранационалисты в других европейских странах, крайне правые уже с 1990-х годов имели своих представителей в культурной, интеллектуальной и молодежной жизни. Они частично связаны с псевдонаучной расистской публицистикой и растущей неонацистской музыкальной сцене (Ivakhiv 2005; Rudling 2006; Halushko 2008; Bidochko 2013; Polyakova 2015b). В целом, различные формы более или менее радикального – хотя в основном либерального, а не интегрального – национализма с 2014 года завоевали популярность в украинском обществе, включая его русскоговорящие части (Kulyk 2014).

Иногда крайне правые партии и их лидеры соревновались между собой, например, во время президентских и парламентских выборов 2014 года. В других случаях, напротив, они сотрудничали (или, по крайней мере, не конкурировали) друг с другом, как во время президентских и парламентских выборов 2019 года. В 2017 году три основные ультраправые партии – «Свобода», «Национальный корпус» и «Правый сектор» – вместе с некоторыми другими, менее значительными группами провели широко разрекламированный совместный конгресс. Они вместе приняли т. н. «Национальный манифест», которому было уделено внимание не только в украинских,

но и в международных средствах массовой информации (Umland 2019b).

Тем не менее, крайние правые так же, как и другие украинские политические лагеря, часто страдали от внутренней борьбы и расколов. В результате в постсоветской Украине всегда существовал разнообразный спектр ультранационалистических организации и ассоциации. Хотя не все более или менее значимые партии участвовали во всех выборах страны, в целом у Украины никогда не было дефицита «предложения» разнообразных форм политического экстремизма. Скорее, проблемой украинских правых радикалов было и остается отсутствие значимого «спроса» большинства граждан Украины на крайне националистическую идеологию, риторику и политику (Shekhovtsov & Umland 2013). На большинстве общенациональных выборов только небольшая или даже очень небольшая часть избирателей проголосовала за те или иные крайне правые группы или кандидаты (Bustikova 2015).

Новым потенциальным ресурсом для ультранационалистов после Революции достоинства стал их гораздо более легкий доступ к оружию и, отчасти, даже к тяжелому оружию (Ferguson & Jenzen-Jones 2014; Karmanau 2016; Martyniuk 2017; Buscemi et al. 2018). Тем не менее, и этот мощный инструмент – так же как и ново-созданные крайне правые организации и их растущая общественная респектабельность с 2014 года – оказался непригодным для внутривнутриполитических целей (Aliyev 2018). В 2014 году все ведущие ультранационалистические организации организовали добровольческие батальоны, которые вышли на передовую (Fedorenko & Umland 2019; Shekhovtsov 2019a). Тем самым они, как и многие другие части украинского общества, быстро и более или менее законно получили доступ к огнестрельному оружию, боеприпасам (Heinemann-Grüder 2019; Zajaczkowski 2019). Некоторые, как полк «Азов», также получили в распоряжение бронетехнику и артиллерию (Bezruk & Umland 2015). Тем не менее, использование этого оружия новыми военизированными формированиями, в том числе и теми, которые были созданы крайне правыми активистами, во внутривнутриполитических целях – своего рода «веймарский сценарий», которого многие опасались в 2014 году – осталось и остаётся к началу 2021 года табу в Украине (Puglisi 2015c; Puglisi 2015a; Puglisi 2015b; Sergackova 2015; Hladka et al. 2016; Karagiannis 2016; Malyarenko & Galbreath 2016; Martsenyuk et al. 2016; Hunter 2018; Käihkö 2018).

Существует ряд других, связанных с войной, внутренних тенденций, которые способствуют или могли бы способствовать политическому подъёму правого радикализма, такие как возникновение народных и нередко националистических муниципальных дружин для поддержания местного правопорядка после 2014 года (Shukan 2020). Были случаи, когда различные отдельные правые группы уже применяли огнестрельное оружие в локальных политических или экономических стычках. Тем не менее, до начала 2021 года эти эпизоды оставались исключениями. Они не меняли кардинальным образом жизнь крупных городов и остались скорее знаками тех или иных негативных локальных развитий, чем индикаторами национального политического восхождения крайне правых. Украинское центральное правительство и гражданское общество, в целом, до сих пор были успешными в

предотвращении применения оружия на улицах Киева и региональных столиц.

Этноцентричное «негражданское общество»

Таким образом, многие украинские ультраправые активисты с политическими амбициями вынуждены были после Евромайдана ограничиться региональной и местной избирательной политикой или оставаться в рамках того, что в течение последних 30 лет стало называться в международных сравнительных исследованиях правого радикализма «негражданским обществом» (Korecky & Mudde 2012). Этот термин обозначает категорию социальных групп, ассоциаций или сетей, которые не действуют ни как коммерческие, ни как партийные организации, и поэтому могут рассматриваться как части гражданской сферы, а не политического или экономического обществ (Boyd 2004). В то же время идеи, цели, сети и действия этих «негражданских» НПО прямо или косвенно являются антидемократическими (Piotrowski 2009). Некоторые из них готовы использовать силу и даже оружие (Payne 2000). Следовательно, они не продвигают в узком демократическом смысле гражданские ценности, основанные на равноправии, толерантности и плюрализме (Chambers & Kopstein 2001).

Такие «негражданские» НПО могут помочь своим членам, подобно обычным гражданским организациям, развить полезные организационные, интеллектуальные, риторические, эмоциональные и другие навыки, а также обеспечить точки входа в политику и карьерные лестницы для своих активистов (Berman 1997). Но по мере того, как эти способности и достижения развиваются в группировках, не поддерживающих либеральную демократию и не способствующих ее функционированию, приобретенные умения и связи в таких НПО применяются не в пользу демократического развития общества, когда они используются в партийно-политической, избирательной и правительственной сферах (Pedahzur & Weinberg 2001). Поэтому, когда лидерам или членам «негражданской» организации удается войти в политику, есть вероятность, что они будут использовать опыт и контакты, накопленные в подобных НПО, чтобы подорвать, а не поддержать демократический строй страны (Umland 2008a).

На протяжении почти всей украинской постсоветской истории большинство украинских крайне правых активистов вообще не имели доступа или же только временно входили в национальное политическое общество. (Об аналогичной ситуации до недавнего времени в Германии см.: Backes & Mudde 2000). Но они участвовали и продолжают участвовать в различных НПО, и особенно активно после 2014 года, когда гражданское общество в целом стало играть более важную роль в Украине в результате Евромайдана (Burlyuk & Sharovalova 2018; Falsini 2018). Иногда самопровозглашенные партии превращаются в де-факто-НПО, когда они остаются бесперспективными как политические силы, но продолжают свою активную внутреннюю и публичную жизнь.

Например, такие организации как «Правый сектор» и «Национальный корпус», явно хотели бы иметь как можно большую политическую власть и занимать важные

позиции в украинском государстве. Изначально они выросли из маленьких домайданных полу-партийных «группускулярных» ассоциаций на краю политической жизни Украины (Griffin 2003). Однако, после их медийной «раскрутки» – не в последнюю очередь, в российских и пророссийских СМИ – во время и после Евромайдана, эти группы развили политические амбиции. Это было задокументировано, среди прочего, членством бывшего лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша и нынешнего лидера «Национального корпуса» Андрея Билецкого – оба, кстати, выходцы из Восточной Украины – в качестве депутатов в 8-й Верховной Раде 2014–2019 годов. Однако, поскольку большинство крайне правых политических активистов только временно, как Ярош и Билецкий, или вообще не смогло войти в какие-либо центральные государственные институты, они разворачивают активность скорее в гражданском, а не в политическом обществе (Shapovalova 2018).

«Правый сектор» в конце 2013 года вырос из разнородной сети различных националистических групп, объединившихся вокруг военизированного спортивного клуба «Трезубец Степана Бандеры» под руководством Дмитрия Яроша. Весной 2014 года «Правый сектор» основал нерегулярное вооруженное подразделение Добровольческий украинский корпус (ДУК) (Likhachev 2015). Политическая партия «Национальный корпус» во главе с Билецким же была создана только более чем через год после Евромайдана и выросла из двух группировок, существовавших до Евромайдана – «Патриота Украины» и Социал-национальной ассамблеи (Umland 2019a). Их лидеры сформировали летом 2014 года ядро добровольческого батальона «Азов», ветераны и сочувствующие которого, в свою очередь, основали партию «Национальный корпус» в октябре 2015 года.

Как «Правый сектор», так и «Национальный корпус» в значительной степени приобрели сегодняшнее признание и славу благодаря раннему и добровольному участию своих членов в военной защите Украины от России на Донбассе в 2014-2015 годах (Likhachev 2016b). Крошечные группки-предшественники «Правого сектора» и «Национального корпуса» едва ли были известны украинцам и ускользнули от внимания даже многих украинских политологов. И все же Ярош, Билецкий и другие бывшие маргинальные активисты с 2014 года стали украинскими национальными героями в результате их широко разрекламированного участия в войне на Донбассе (Likhachev 2016a). Ярош даже получил ранение в бою. Участие крайне правых националистов в войне, часто в составе их собственных добровольческих батальонов, привело к значительному увеличению их публичного авторитета, общественного положения, политической легитимности и общей популярности в Украине (Likhachev 2018a).

Но, парадоксальным образом, резкий рост международной известности и национальной приемлемости украинских ультранационалистов с 2014 года – в результате, в том числе, их активного освещения на телеканалах и сайтах под влиянием Кремля – не привел их к электоральным успехам, по крайней мере, не в общенациональных выборах (Shekhovtsov & Umland 2014). Можно было ожидать увеличения – возможно, даже высокого прыжка – избирательной поддержки крайне правых после их активного, видного и широко одобряемого участия сначала в

Революции достоинства, а потом в российско-украинской войне в 2013–2014 годах (Fedorenko 2015; Ishchenko 2016; Katchanovski 2020). Напротив, как упоминалось выше, поддержка избирателями «Свободы» на парламентских выборах 2014 года резко упала по сравнению с парламентскими выборами 2012 года, и, несмотря на пятилетнюю войну, еще больше уменьшилась на парламентских выборах 2019 года. Кандидаты в президенты от «Свободы» выступили с ещё более скромной поддержкой в менее чем 2%, в 2014 и 2019 годах. Эти итоги подобный результату Тягнибока на президентских выборах в 2010 довоенном году (Таблица 1).

Примечательно, насколько стабильной осталась низкая поддержка украинскими избирателями крайне правых партии в два очень разных периода новейшей истории Украины: до и после Евромайдана. Это тем более удивительно, учитывая, что украинское общество с 2014 года находилось в состоянии постоянного психологического и социального стресса в результате непрекращающихся военных действий (хотя и, в основном, низкой интенсивности) в Донбассе, аннексии Крыма Россией и разными невооружёнными формами гибридной кремлевской войны против Украины. Можно было ожидать, что это послужит благоприятным фоном для этноцентричных идей и лозунгов и приведёт к росту поддержки ультранационалистических групп. Однако, по крайней мере, до начала 2020 года в Украине не произошло ничего похожего на потрясающие успехи крайне правых партий в ряде других европейских стран.

Растущая социальная вовлеченность ультраправых

Несмотря на эту относительно позитивную картину и продолжающуюся электоральную слабость украинских ультранационалистов в национальных выборах, для международных правозащитных и исследовательских структур тщательный мониторинг крайне правой среды в Украине остается на повестке дня. Украинские ультранационалистические группы пока не имеют и, видимо, в обозримом будущем не будут иметь возможности войти, как таковые, в центральные властные структуры. Однако, они остаются заметными как — часто, правда, невольно — полу-политические публичные организации и активно участвуют в общественной жизни Украины после Евромайдана (Cheremys 2019).

Будучи в значительной степени исключенными из национальной политики, многие ультранационалисты переключились на различные проекты в рамках украинского «негражданского общества» в самых разных областях, от дискуссии исторической памяти и активности против ЛГБТ до борьбы против экологических проблем и за защиту животных (Gankevich 2017; Nonjon 2018c; Anti-Equality Monitoring 2019d). Иногда крайне правым группам удавалось и удастся получать различные виды государственной поддержки для своей деятельности, например, в рамках отдельных программ в области безопасности, поддержки ветеранов и образования (Kuzmenko 2018; Anti-Equality Monitoring 2019e; Colborne & Kuzmenko 2019b).

Активное участие многих крайне правых активистов в российско-украинской

войне в качестве добровольных солдат снизило их изоляцию, стигматизацию и неприятие в украинском обществе, включая политический и культурный истеблишмент Украины (Butkevych 2018). Уже до 2014 года среди политической элиты Украины была значительная готовность к сотрудничеству с крайне правыми. Это выразилось, например, в частичной кооперации умеренных и радикальных националистов в 7-й Верховной Раде, во время Революции достоинства и в переходном правительстве после Евромайдана (Yakovchenko 2012). Тем не менее, эти союзы были скорее ситуативными и стратегическими, а не постоянными и идейными.

Однако, чем дольше длится вооруженный конфликт Украины с Россией, тем легче могут даже такие одиозные радикалы, как пресловутая неонацистская группка С14, интегрироваться в украинскую публичную жизнь (Shtohrin 2018). Не только в политическом и социальном, но и в культурном и ментальном плане расстояние между политическим центром и краем, гражданским и «негражданским» обществом, умеренными и радикальными националистическими группами, постепенно сокращается. Официальная риторика Украины, дискурс в средствах массовой информации, политика в области культуры и исторической памяти, с учетом ежедневных репортажей с фронта и еженедельных жертв войны, становятся все более воинственными и патриотическими. В результате этих явлений ране маргинальные исторические и нынешние украинские крайне правые идеи, лидеры и организации приобрели общее общественное признание, если не частичную привлекательность для многих неэкстремистских украинских граждан (Movchan 2018).

В западных демократиях основная политическая разделительная линия сегодня проходит между, с одной стороны, сторонниками, а с другой – противниками культурного и социального либерализма. В сегодняшней Украине же основные политические вопросы, напротив, вращаются вокруг отношения гражданина или его группы к национальной независимости, войне с Россией, коррумпированной олигархической системе и международной ориентации Украины, причем последняя понимается скорее как геополитическое направление, а не нормативно-ценностная позиция. Поскольку ответы на эти вопросы у ультранационалистов и этноцентристов Украины во многом схожи с ответами большинства украинских либералов и консерваторов, первые с каждым дополнительным годом войны становятся все более близкими к последним (Ishchenko 2018).

В январе 2019 года постепенное приближение радикальных правых к украинскому мейнстриму выразилось, например, в неприкрытом присутствии лидера упомянутой неонацистской группки С14 Евгения Карася в составе украинской делегации, которая посетила Вселенский патриархат Константинополя в Стамбуле по случаю предоставления автокефалии новой Православной Церкви Украины (Komendantova 2019). Публичное участие Карася в официальной церемонии вызвало скандал среди украинских правозащитников и международных наблюдателей правого радикализма в Восточной Европе (Institut Respublika 2019). Однако, этот инцидент не вызвал особого внимания в украинском обществе, которое было более расстроено присутствием сомнительного украинского бизнесмена с криминальным прошлым на церковной церемонии в Стамбуле, чем присутствием Карася, хотя его

группка С14 открыто использует фашистские символы (Anti-Equality Monitoring 2019g).

Для молодой демократии в Украине наиболее опасным может в будущем стать, скорее, не миниатюрная С14, и даже не «Свобода» или сегодня полностью маргинализированный «Правый сектор». Наиболее перспективным проектом на правом фланге сегодня представляется многоликое Азовское движение с его одноименным полком в Национальной гвардии, связями с руководством МВД, партией «Национальный корпус», объединением для сохранения общественного порядка «Национальные дружины» и разными другими структурам (Nonjon 2018b; Zhartovskaia & Kravets 2018). Правда, было бы преувеличением классифицировать полк «Азов» как террористическую организацию (Shekhovtsov 2019b). Но его различные политические и «негражданские» ответвления могут представлять собой самую большую долговременную правозэкстремистскую угрозу для украинского государства (Horbach & Petyk 2016).

Азовскому движению, в отличие от предыдущих украинских крайне правых проектов, удалось создать многомерную и отчетливо современную (и даже частично постмодернистскую) идентичность, которая привлекательна для части украинской молодежи. В отличие от преимущественно западноукраинской поддержки «Свободы», оно не имеет региональных ограничений (Gomza & Zajaczkowski 2019). Более того, Азовское движение тесно сотрудничает с зарубежными группами единомышленников (Kuzmenko 2019). Его международное сотрудничество даже включает контакты с некоторыми российскими неонацистскими группами (Gritsenko 2015; Colborne & Kuzmenko 2019a).

Партия «Свобода», правда, к началу 2021 году все еще известней и организационно сильнее, чем Азовское движение (Таблица 2). Тем не менее, «Свобода» было и является важной политической силой лишь в Галиции (Polyakova 2014). «Правый сектор», в свою очередь, потерял свой динамизм после Евромайдана 2014 года. Он стал незначительной сетью местных националистических групп после ухода его самого известного основателя Дмитрия Яроша, который, в свою очередь, не смог превратить так называемую «Государственническую инициативу Яроша» в значимую политическую организацию.

Напротив, «Национальный корпус» – ультранационалистическая партия, чей предшественник «Патриот Украины» изначально был основан в Харькове и которая сегодня более или менее равномерно присутствует по всей стране (Yavir 2016). «Нацкорпус», как партию часто называют в Украине, пережил некоторые внутренние беспорядки, но, похоже, не пострадал от каких-либо серьезных расколов (Babusch & Odnohozhenko 2018). Прежде всего, Азовское движение в целом – динамичный «негражданский» проект, активно продвигающий различные локальные инициативы и зарубежные контакты (Colborne 2019). Он стал признанной частью международной правозэкстремистской сцены и поддерживает связи с разными «негражданскими» (в основном расистскими) организациями, в частности, в Соединенных Штатах, Европейском Союзе и Российской Федерации (Nonjon 2018a).

Выводы

Продолжающаяся электоральная слабость украинских крайне правых после Евромайдана и во время войны обнадеживает. Низкая популярность украинского партийного ультранационализма особенно заметна на фоне недавних избирательных успехов правых популистов и экстремистов в других европейских странах (Shekhovtsov & Polyakova 2016). Несмотря на активный вооруженный конфликт на востоке Украины и, как следствие, широкое распространение огнестрельного оружия в украинском обществе с 2014 года, крайне правые, как и другие политические деятели с доступом к оружию, воздерживались от его применения во внутривнутриполитических конфликтах. Вопреки как оправданным опасениям, так и ряду явно клеветнических замечаний некоторых наблюдателей, украинский эквивалент феномену немецких т. н. «свободных корпусов» (*Freikorps*) в ранние годы Веймарской республики не появился, не говоря уже о серьезной угрозе захвата власти фашистами (Motyl 2015).

Тем не менее, есть, по крайней мере, четыре особенности украинского ультранационализма после Евромайдана, которые дают повод для забот. Во-первых, в результате продолжающейся войны России против Украины растет общественная терпимость в отношении исторических и современных радикально националистических идей, организаций, действий и лиц в украинском обществе (Anti-Equality Monitoring 2019a; Anti-Equality Monitoring 2019c). Во-вторых, с 2014 года некоторые крайне правые организации – вследствие создания добровольческих подразделений – получили широкий доступ к оружию и отчасти даже к тяжелому оружию. Некоторые из них по-прежнему контролируют небольшие нерегулярные вооруженные отряды, такие как ДУК «Правого сектора» или т. н. «Украинская добровольческая армия» Яроша, хотя такие термины как «корпус» и «армия» гиперболичны для этих маргинальных военизированных формирований.

В-третьих, сохраняется более или менее значимое присутствие крайне правых организаций во внепарламентской партийной политике, гражданском обществе, культурной жизни, местном самоуправлении, международных отношениях Украины (Anti-Equality Monitoring 2019f; Anti-Equality Monitoring 2019b). После того, как «Свобода» к 2014 году разорвала большую часть своих прежних связей с крайне правыми партиями в ЕС, украинские ультранационалисты сегодня вовлечены в международную праворадикальную среду в первую очередь через иностранные связи Азовского движения и других, более мелких правозэкстремистских групп (Colborne 2020). В-четвертых, в результате большей включенности некоторых ультранационалистических активистов в муниципальную политику и гражданское общество неоднократно возникали случаи официального сотрудничества между некоторыми правительственными учреждениями, такими как Служба безопасности Украины, Министерство ветеранов Украины или местными органами власти, с одной стороны, и крайне правыми группировками, с другой (Strana.UA 2020).

В целом Украина остается скорее положительным европейским исключением что касается недавнего международного роста суверенизма. Она не только в 2019 г. включила в свою Конституцию цель вступления в ЕС и НАТО. Украина и отличается,

пока-что, устойчивым иммунитетом ее избирателей в отношении ультраправых партий и, как результат, низкого влияния радикальных националистов на центральную политику в Киеве (Umland 2013b). Как, среди других, указывает Мыкола Рябчук, та поддержка, которой исторические и современные ультранационалистические лидеры и организации пользуются в украинском обществе, часто не столько связана с расизмом и тоталитаризмом их идеологии, сколько с их жесткой позицией и жертвенной борьбой за независимость Украины (Riabchuk 2016; Ryabchuk 2017). Тем не менее, то, что после «Революции достоинства» общественное присутствие «негражданских» групп в украинской местной и культурной жизни в некоторых аспектах выросло, настораживает. Дифференциация организационного и интеллектуального спектра украинского правого радикализма с 2014 года продолжается (Rabe 2019).

К тому же, к началу 2021 года наметился некий относительный рост популярности партийного правого радикализма. Правда, от этой тенденций пока выигрывает только партия «Свобода». В таблицах пресс-релизов Киевского международного института социологии (КМИС) другие праворадикальные партии часто даже не упоминаются. К февралю 2021 года «Свобода» приблизилась в опросе КМИСа к своему результату на парламентских выборах 2014 года.

Таблица 2: Рейтинг партии «Свобода» на гипотетических выборах в Верховную Раду Украины (Hrushets'kyu 2021)

	Декабрь 2020 г.		Январь 2021 г.		Февраль 2021 г.	
	среди всех респ-ов	среди тех, кто определился	среди всех респ-ов	среди тех, кто определился	среди всех респ-ов	среди тех, кто определился
«Свобода»	1,8%	2,8%	2,3%	3,6%	2,9%	4,4%

Вышеперечисленные явления и растущее общественное уважение к историческому украинскому ультранационализму – в первую очередь, к бандеровской фракции Организации украинских националистов 1940-х годов – представляют собой новые взаимодействующие характеристики современной украинской общественной жизни (Umland & Yurchuk 2017-2021). Они, как и другие политически неоднозначные тенденции, тесно связаны с гибридной войной России против Украины с 2014 года (Fedor 2015). В своей сумме они представляют собой проблематичные черты постмайданной Украины, несущие в себе опасность, как дестабилизации внутри украинского государства, так и новых напряжений в международных отношениях Киева (Umland 2016c; Bornio 2018). В самом худшем случае не исключено, что Украина в будущем может последовать за недавними антилиберальными поворотами других стран Центрально-Восточной Европы.

Bibliography:

- Aliyev, Huseyn (2018). Bewaffnete Freiwilligenbataillone: Informelle Machthaber in der Ukraine. *Ukraine-Analysen* 205: 2–5.
- Andryushchenko, Eduard. (2011). Paramilitarni struktury ukrayins'koho natsionalistichnoho rukhu 90-kh rr. XX st. *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho natsional'noho universytetu* 30: 42–51.

- Anti-Equality Monitoring. (2019a). Calls To 'Fight' LGBT People by Ukrainian Cleric Emblematic of Church's Proximity to Far Right. *Bellingcat*, 21 June, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/06/21/calls-to-fight-lgbt-people-by-ukrainian-cleric-emblematic-of-churchs-proximity-to-far-right/> (accessed November 17, 2020).
- Anti-Equality Monitoring. (2019b). How to Mainstream Neo-Nazis: A Lesson from Ukraine's C14 and an Estonian Think Tank. *Bellingcat*, 8 August, <http://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/08/how-to-mainstream-neo-nazis-a-lesson-from-ukraines-c14-and-an-estonian-think-tank/> (accessed November 17, 2020).
- Anti-Equality Monitoring. (2019c). How to Mainstream Neo-Nazis: A Lesson from Ukraine's New Government. *Bellingcat*, 21 October, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/10/21/how-to-mainstream-neo-nazis-a-lesson-from-ukraines-new-government/> (accessed November 17, 2020).
- Anti-Equality Monitoring. (2019d). A Tough Weekend for Ukraine's Anti-LGBT 'Excremists'. *Bellingcat*, 25 June, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/06/25/a-tough-weekend-for-ukraines-anti-lgbt-excremists> (accessed November 17, 2020).
- Anti-Equality Monitoring. (2019e). Ukraine's Ministry of Veterans Affairs Embraced the Far Right – With Consequences to the U.S. *Bellingcat*, <http://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/11/11/ukraines-ministry-of-veterans-affairs-embraced-the-far-right-with-consequences-to-the-u-s/> (accessed November 17, 2020).
- Anti-Equality Monitoring. (2019f). Why is a Leading Estonian Think Tank Working Alongside Ukraine's Far Right? *Bellingcat*, 1 August, <http://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/01/why-is-a-leading-estonian-think-tank-working-alongside-ukraines-far-right/> (accessed November 17, 2020).
- Anti-Equality Monitoring. (2019g). Yes, It's (Still) OK To Call Ukraine's C14 "Neo-Nazi". *Bellingcat*, 9 August, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/09/yes-its-still-ok-to-call-ukraines-c14-neo-nazi/> (accessed November 17, 2020).
- Aslund, Anders. (2009). *How Ukraine Became a Market Economy and Democracy*. Washington, DC: Peterson Institute.
- Atanasov, Vitaliy. (2011). Osoblyvosti natsional-radykal'noyi dzhynsy. *Spil'ne: zhurnal sotsial'noyi krytyky*, 13 May, <https://commons.com.ua/uk/osoblivosti-natsional-radikalnoyi-dzh/> (accessed November 17, 2020).
- Averre, Derek & Wolczuk, Kataryna (eds.). (2019). *The Ukraine Conflict: Security, Identity and Politics in the Wider Europe*. Abingdon: Routledge.
- Babych, Laryssa & Odnorozhenko, Oleg. (2018). Yaroslav Babych. Rakhunok. *Adobe Spark*, 29 May <http://spark.adobe.com/page/72VgF8tikBq6c/> (accessed 17 November 2020).
- Backes, Uwe & Mudde, Cas. (2000). Germany: Extremism without Successful Parties. *Parliamentary Affairs* 53(3): 457–468.
- Bakic, Jovo. (2013). *Right-Wing Extremism in Serbia*. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung.
- Beichelt, Timm & Worschech, Susann (eds.). (2017). *Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Belitser, Natal'ya. (2013). Vseukrainskoye ob'yedineniye 'Svoboda' i yego elektorat, 2012-2013. *Ideologiya i politika* 2(2[4]): 8–92.
- Bendza, Halyna. (1997). UNA-UNSO: Nove oblychchya? *Studiyi politolohichnoho tsentru Heneza* (1): 48–51.
- Berman, Sheri. (1997). Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic. *World Politics* 49(3): 401–429.
- Bertelsen, Olga (ed.). (2016). *Revolution and War in Contemporary Ukraine: The Challenge of Change*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

- Bezruk, Tetjana & Umland, Andreas. (2015). Der Fall Azov: Freiwilligenbataillone in der Ukraine. *Osteuropa* 65(1–2): 33–42.
- Bidochko, Lesya. (2013). Instrumentalizatsiya radykal'noyi muzyky: Pro muzyku pravoradykal'nykh hurtiv v Ukraini. *Spil'ne: zhurnal sotsial'noyi krytyky*, 12 August, <https://commons.com.ua/uk/instrumentalizatsiya-radikalnoyi-muzi/> (accessed November 17, 2020).
- Bornio, Jakob. (2018). Israeli-Ukrainian Relations after 'the Euromaidan Revolution': The Holocaust and the New Ukrainian Identity in the Context of the European Aspirations of Ukraine. *Polish Political Science Yearbook* 47(2): 331–345.
- Boyd, Richard. (2004). *Uncivil Society: The Perils of Pluralism and the Making of Modern Liberalism*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Burlyuk, Olga & Shapovalova, Natalia (eds.). (2018). *Civil Society in Post-Euromaidan Ukraine: From Revolution to Consolidation*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Buscemi, Francesco, Duquet, Nils, Golovko, Ekaterina & Woods, Eric. (2018). Illicit Firearms Proliferation in the EU Periphery: The Case of Ukraine. *Triggering Terror: Illicit Gun Markets and Firearms Acquisition of Terrorist Networks in Europe*. N. Duquet. Brussels: Flemish Peace Institute, 461–480.
- Bustikova, Lenka. (2015). Voting, Identity and Security Threats in Ukraine: Who Supports the Radical 'Freedom' Party? *Communist and Post-Communist Studies* 48(2): 239–256.
- Bustikova, Lenka. (2019). *Extreme Reactions: Radical Right Mobilization in Eastern Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Butkevych, Maksym. (2018). Sydinnya za odnym stolom iz lyudozheramy dyskredytuye tykh, khto lyudyatynu ne yist'. *Politychna Krytyka*, 28 September, <https://politkrytyka.org/2018/09/28/sidinnya-za-odnim-stolom-iz-lyudozherami-diskredytuye-tih-hto-lyudyatynu-ne-yist/> (accessed 17 November 2020).
- Chambers, Simone & Kopstein, Jeffrey. (2001). Bad Civil Society. *Political Theory* 29(6): 837–865.
- Cheremys, Volodymyr. (2019). *Monitorynh konfrontatsiyi ta nasyt'stva ul'trapravykh v Ukraini 15.10.18–15.05.19*. Kyiv: Instytut «Respublika».
- Colborne, Michael. (2019). There's One Far-Right Movement That Hates the Kremlin. *Foreign Policy*, <http://foreignpolicy.com/2019/04/17/theres-one-far-right-movement-that-hates-the-kremlin-azov-ukraine-biletsky-nouvelle-droite-venner/> (accessed November 17, 2020).
- Colborne, Michael. (2020). Dispatches from Asgardsrei: Ukraine's Annual Neo-Nazi Music Festival. *Bellingcat*, 2 January, <https://www.bellingcat.com/news/2020/01/02/dispatches-from-asgardsrei-ukraines-annual-neo-nazi-music-festival/> (accessed November 17, 2020).
- Colborne, Michael & Kuzmenko, Oleksiy. (2019a). The 'Hardcore' Russian Neo-Nazi Group That Calls Ukraine Home. *Bellingcat*, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/09/04/the-hardcore-russian-neo-nazi-group-that-calls-ukraine-home/> (accessed November 17, 2020).
- Colborne, Michael & Kuzmenko, Oleksiy. (2019b). Ukrainian Far-Right Extremists Receive State Funds to Teach 'Patriotism'. *Bellingcat*, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/07/16/ukrainian-far-right-extremists-receive-state-funds-to-teach-patriotism/> (accessed November 17, 2020).
- D'Anieri, Paul (ed.). (2010). *Orange Revolution and Aftermath: Mobilization, Apathy, and the State in Ukraine*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- D'Anieri, Paul, Kuzio, Taras, Harasymiw, Bohdan, Ilnytskyj, Oleh, Bredies, Ingmar et al. (2007). *Aspects of the Orange Revolution*. 6 vols. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- D'Anieri, Paul. (2019). *Ukraine and Russia: From Civilized Divorce to Uncivil War*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Dyczok, Marta. (2000). *Ukraine: Movement without Change, Change without Movement*. Abingdon: Routledge.
- Dymerskaya-Tsigelman, Liudmila & Finberg, Leonid. (1999). *Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy*. Analysis of Current Trends in Antisemitism 14. Jerusalem: SICSA.
- Falsini, Sophie. (2018). *The Euromaidan's Effect on Civil Society: Why and How Ukrainian Social Capital Increased after the Revolution of Dignity*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Fedor, Julie (ed.). (2015). Russian Media and the War in Ukraine. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* 1(1): 1–300.
- Fedorenko, Kostiantyn. (2015). The Two Movements: Liberals and Nationalists during Euromaidan. *The Ideology and Politics Journal* 3(1[5]): 4-35.
- Fedorenko, Kostiantyn & Umland, Andreas. (2019). Zwischen Front und Parlament: Freiwilligenverbände und Parteien in der Ukraine. *Osteuropa* 69(3–4): 163–177.
- Ferguson, Jonathan & Jenzen-Jones, N. R. (2014). Raising Red Flags: An Examination of Arms and Munitions in the Ongoing Conflict in Ukraine. *Armament Research Services Research Report*, <http://armamentresearch.com/Uploads/Research%20Report%20No.%203%20-%20Raising%20Red%20Flags.pdf> (accessed November 17, 2020).
- Flikke, Geir & Kisselyov, Sergiy (eds.). (2006). *Beyond Recognition? Ukraine and Europe after the Orange Revolution*. Oslo, NUSPI.
- Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury. (2013). Ukrainskiye pravyye ekstremisty vo vremya i posle vosstaniya 2013-2014 gg. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 13(1): 103–206.
- Gankevich, Roman. (2017). Pravoradykaly z S14 pobily orhanizatora napadu na Volodymyra V'yatrovycha. *Zakhid.net*, 12 June, https://zaxid.net/pravoradikali_z_s14_pobili_organizatora_napadu_na_volodimira_vyatrovicha_n1428404 (accessed November 17, 2020).
- Gomza, Ivan & Zajackowski, Johann. (2019). Black Sun Rising: Political Opportunity Structure Perceptions and Institutionalization of the Azov Movement in Post-Euromaidan Ukraine. *Nationalities Papers* 47(5): 774-800.
- Griffin, Roger. (2003). From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right. *Patterns of Prejudice* 37(1): 27–50.
- Gritsenko, Anna. (2015). Ukrainskiye svyazi Boyevoy organizatsii russkikh natsionalistov: kontakty i konteksty v do- i postmaydannoy Ukraine. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 13(1): 180–193.
- Hale, Henry & Orttung, Robert (eds.). (2016). *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Halushko, Kyrylo. (2008). I bytyy shlyakh arkhelohiyi do natsyzmu, abo yaki «teoriyi» my obhovoryuyemo? *Novitni mify ta fal'shyvky pro pokhodzhennya ukrayintsiv*. Y. Oliynyk. Kyiv, Tempora, 11–28.
- Hanebrink, Paul. (2018). *A Specter Haunting Europe: The Myth of Judeo-Bolshevism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Härtel, André. (2015). Bandera's Tempting Shadow: The Problematic History of Ukrainian Radical Nationalism in the Wake of the Maidan. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* 1(2): 421–428.
- Hauter, Jakob. (2019). Delegated Interstate War: Introducing an Addition to Armed Conflict Typologies. *Journal of Strategic Security* 12(4): 90–103.
- Heinemann-Grüder, Andreas. (2019). Geiselnnehmer oder Retter des Staates? Irreguläre Bataillone in der Ukraine. *Osteuropa* 69(3–4): 51–80.

- Hladka, Kateryna, Khromakov, Dmytro, Myronova, Veronika, Pluzhnyk, Ol'ha, Pokal'chuk, Oleh et al. (2016). *Dobrobaty: Istoriya podvyhu batal'yoniv, shcho vryatuvaly krayinu*. Kharkiv: Folio.
- Horbach, Denys & Petyk, Oles. (2016). Azovskiy shlyakh: kak ul'trapravoye dvizheniye boretsya za mesto v politicheskom meynstrime Ukrainy. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 13(1): 179–192.
- Hosaka, Sanshiro. (2019). Welcome to Surkov's Theater: Russian Political Technology in the Donbas War. *Nationalities Papers* 47(5): 750–773.
- Hrushets'kyy, Anton. (2021). Riven' doviry do politikiv, elektoral'nyy reytyng i stavlennia do okremykh podiy: Lyuty 2021 roku. *Kyivs'kyy mizhnarodnyy instytut sotsiologii*, 4 March, www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=1016&page=1 (accessed November 17, 2020).
- Hunter, Montana. (2018). Crowdsourced War: The Political and Military Implications of Ukraine's Volunteer Battalions 2014–2015. *Journal of Military and Strategic Studies* 18(3): 78–124.
- Institut Respublika. (2019). *Ultra-Right and Violence in Ukraine: Monitoring Results 14.10.2018–14.10.2019*. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung, http://www.rosalux.org.ua/images/FINAL_zvit-ENG-print.pdf (accessed 17 November).
- Iovenko, Artem. (2015). The Ideology and Development of the Social-National Party of Ukraine, and its Transformation into the All-Ukrainian Union 'Freedom', in 1990–2004. *Communist and Post-Communist Studies* 48(2): 229–237.
- Isayuk, Olesya. (2015). *Roman Shukhevych*. Kharkiv: Klub simeynoho dozvillya.
- Ishchenko, Vladimir. (2016). Uchastiye krayne pravyykh v protestnykh sobytiyakh Maydana: popytka sistematicheskogo analiza. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 13(1): 103–127.
- Ishchenko, Volodymyr. (2018). Nationalist Radicalization Trends in Post-Euromaidan Ukraine. *PONARS Eurasia Policy Memo*, <http://www.ponarseurasia.org/memo/nationalist-radicalization-trends-posteuromaidan-ukraine> (accessed November 17, 2020).
- Ivakhiv, Adrian. (2005). In Search of Deeper Identities Neopaganism and 'Native Faith' in Contemporary Ukraine. *Nova Religio* 8(3): 7–38.
- Käihkö, Ilmari. (2018). A Nation-in-the-Making, in Arms: Control of Force, Strategy and the Ukrainian Volunteer Battalions. *Defence Studies* 18(2): 147–166.
- Kailitz, Steffen & Umland, Andreas. (2017). Why Fascists Took Over the Reichstag but Have Not Captured the Kremlin: A Comparison of Weimar Germany and Post-Soviet Russia. *Nationalities Papers* 45(2): 206–221.
- Kailitz, Steffen & Umland, Andreas. (2019). How Post-Imperial Democracies Die: A Comparison of Weimar Germany and Post-Soviet Russia. *Communist and Post-Communist Studies* 52(2): 105–115.
- Karagiannis, Emmanuel. (2016). Ukrainian Volunteer Fighters in the Eastern Front: Ideas, Political-Social Norms and Emotions as Mobilization Mechanisms. *Southeast European and Black Sea Studies* 16(1): 139–153.
- Karmanau, Yuras. (2016). War Turns Ukraine into 'Supermarket' for Illegal Weapons. *AP*, 6 August, <http://apnews.com/16ffe979bc2947ce9373079264232406/war-turns-ukraine-supermarket-illegal-weapons> (accessed November 17, 2020).
- Katchanovski, Ivan. (2020). The far right, the Euromaidan, and the Maidan massacre in Ukraine. *Journal of Labor and Society* 23(1): 5–29.
- Khymka, Ivan-Pavlo. (2019). *Ukrayins'ko-yevreys'ki vzayemyny: Vid istoriyi do pam'yati*. Kyiv: Dukh i Litera.
- Komendantova, Nadezhda (2019). Lyder radikalov S14 Karas' s"ezdyl v Stambul na vruchenye tomosa. *Ukrayins'ki novyny*, 8 January, <http://ukranews.com/news/606234-lider-radikalov-s14-karas-sezdil-v-stambul-na-vruchenie-tomosa> (accessed November 17, 2020).

- Kopecky, Petr & Mudde, Cas (eds.). (2012). *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*. Abingdon: Routledge.
- Korchyns'kyy, Dmytro. (1999). *Viyina u natovpi*. Kyiv: Amadey.
- Kowal, Pawe, Mink, Georges, Reichardt, Iwona & Reichardt, Adam (eds.). (2019). *Three Revolutions: Mobilization and Change in Contemporary Ukraine*. Vols. I-II. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Kubicek, Paul. (1999). What Happened to the Nationalists in Ukraine? *Nationalism and Ethnic Politics* 5(1): 29–45.
- Kulyk, Volodymyr. (1999). *Ukrayins'kyy natsionalizm u nezalezhnyi Ukrayini*. Kyiv: NaUKMA.
- Kulyk, Volodymyr. (2014). Ukrainian Nationalism since the Outbreak of Euromaidan. *Ab Imperio* (3): 94–122.
- Kuzio, Taras. (1997). Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine Before and After Independence: The Right and its Politics, 1989-1994. *Nationalities Papers* 25(2): 211–242.
- Kuzio, Taras. (2007). *Theoretical and Comparative Perspectives on Nationalism: New Directions in Cross-Cultural and Post-Communist Studies*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Kuzio, Taras & D'Anieri, Paul. (2018). *The Sources of Russia's Great Power Politics: Ukraine and the Challenge to the European Order*. Bristol: E-International Relations.
- Kuzmenko, Oleksiy. (2019). 'Defend the White Race:' American Extremists Being Co-Opted by Ukraine's Far-Right. *Bellingcat*, 15 February, <http://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/02/15/defend-the-white-race-american-extremists-being-co-opted-by-ukraines-far-right/> (accessed November 17, 2020).
- Kuzmenko, Oleksiy. (2018). Ukrainian Far-Right Fighters, White Supremacists Trained by Major European Security Firm. *Bellingcat*, 30 August 2018, <http://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2018/08/30/ukrainian-far-right-fighters-white-supremacists-trained-major-european-security-firm/> (accessed November 17, 2020).
- Likhachev, Viacheslav. (2015). The 'Right Sector' and Others: The Behavior and Role of Radical Nationalists in the Ukrainian Political Crisis of Late 2013 – Early 2014. *Communist and Post-Communist Studies* 48(2): 257–271.
- Likhachev, Viacheslav. (2013a). *Right-Wing Extremism in Ukraine: The Phenomenon of "Svoboda"*. Kyiv: EAJC.
- Likhachev, Viacheslav. (2013b). Right-Wing Extremism on the Rise in Ukraine. *Russian Politics and Law* 51(5): 59–74.
- Likhachev, Viacheslav. (2013c). Social-Nationalists in the Ukrainian Parliament: How They got There and What We Can Expect of Them. *Russian Politics and Law* 51(5): 75–85.
- Likhachev, Vyacheslav. (2016a). The Far Right in the Conflict between Russia and Ukraine. *Notes del l'Ifri: Russie.Nei.Visons*, July 2016, <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/russieneivisions/far-right-conflict-between-russia-and-ukraine> (accessed November 17, 2020).
- Likhachev, Vyacheslav. (2018a). Democracy Study Centre 2018 Lecture. *DSC Team*, www.youtube.com/watch?v=4ob1eu7uziw&t=306s (accessed November 17, 2020).
- Likhachev, Vyacheslav. (2013d). Mesto antisemitizma v ideologii i propagande Vseukrainskogo ob'yedineniya 'Svoboda'. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 9(1): 111–134.
- Likhachev, Vyacheslav. (2016b). Ukrainskiye natsional-radikaly protiv prorossiyskikh «separatistov»: ulichnaya voyna (fevral'-may 2014). *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 13(1): 128–140.
- Likhachev, Vyacheslav. (2018b). Far-right Extremism as a Threat to Ukrainian Democracy. *Freedom House Nations in Transit Brief*, May, <https://freedomhouse.org/report/special-reports/far-right-extremism-threat-ukrainian-democracy> (accessed November 17, 2020).

- Likhachov, V'yacheslav. (2018). Chomu perebil'shennya roli ul'trapravykh v ukrayins'kiy revolyutsiyi ne mensh nebezpechne, nizh prymenshennya. *Zaborona*, 3 May, <https://zaborona.com/likhachov-column/> (accessed November 17, 2020).
- Likhachov, V'yacheslav. (2020). *Vid Maydanu pravoruch: Revolyutsiya, viyna y ul'trapravi v Ukrayini (2013–2016 roky)*. Kyiv: Krytyka.
- Luks, Leonid. (2004). Vergeblicher Versuch, den Holocaust 'rational' zu erklären. *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte* 8(1): 301–309.
- Lushnycky, Andrej & Riabchuk, Mykola (eds.). (2009). *Ukraine on Its Meandering Path Between East and West*. Bern, Peter Lang.
- Lypovets'kyi, Svyatoslav. (2010). *Orhanizatsiya ukrayins'kykh natsionalistiv (banderivtsi): frahmenty diyal'nosti ta borot'by*. Kyiv: Ukrayins'ka vydavnycha spilka.
- Malyarenko, Tetyana & J. Galbreath, David. (2016). Paramilitary Motivation in Ukraine: Beyond Integration and Abolition. *Southeast European and Black Sea Studies* 16(1): 113–138.
- Mammone, Andrea, Godin, Emmanuel & Jenkins, Brian (eds.). (2012). *Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe: From Local to Transnational, Extremism and Democracy*. Abingdon: Routledge.
- Marples, David & Mills, Frederick (eds.). (2015). *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Martsenyuk, Tamara, Grytsenko, Ganna & Kvit, Anna. (2016). The 'Invisible Battalion': Women in ATO Military Operations in Ukraine. *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal* (2): 171–187.
- Martyniuk, Anton (2017). Measuring Illicit Arms Flows: Ukraine. *Small Arms Survey Briefing Paper*, <http://www.smallarmssurvey.org/about-us/highlights/2017/highlight-bp-ukraine.html> (accessed November 17, 2020).
- McFaul, Michael & Aslund, Anders (eds.) (2006). *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Meister, Stefan (2016). Isolation and Propaganda: The Roots and Instruments of Russia's Disinformation Campaign. *Transatlantic Academy Paper Series* 6., http://dgap.org/system/files/article_pdfs/meister_isolationpropoganda_apr16_web_1.pdf (accessed November 17, 2020).
- Mierzejewski-Voznyak, Melanie. (2018). The Radical Right in Post-Soviet Ukraine. *The Oxford Handbook of the Radical Right*. J. Rydgren. Oxford: Oxford University Press, 608–629.
- Minkenbergh, Michael (ed.). (2015). *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process*. Abingdon: Routledge.
- Mijnssen, Ivo. (2012). Kuznitsa modernizatsii na ozere Seliger: Dvizheniye «Nashi», putinskiy patriotizm i Vserossiyskiy molodezhnyy obrazovatel'nyy forum 2005–2010 gg. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* (2): 132–157.
- Moser, Michael. (2013). *Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine Under President Viktor Yanukovich (25 February 2010–28 October 2012)*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Motyl, Alexander (2015). Is Ukraine Fascist? *The Huffington Post*, http://www.huffpost.com/entry/putin-calls-ukraine-fasci_b_6600292 (accessed 3 February 2015).
- Motyl, Alexander. (2012). Understanding Ukraine's Ultranationalist Support. *World Affairs* (web edition), 9 December, <https://lingualeo.com/ru/jungle/understanding-ukraine039s-ultranationalist-support-162651> (accessed November 17, 2020).
- Movchan, Serhiy. (2018). Pravi bilya vorit, abo peremoha hromadyans'koho suspil'stva. *Politychna Krytyka*, 28 March, <https://politykrytyka.org/2018/03/28/pravi-bilya-vorit-abo-peremoga-gromadyanskogo-suspilstva/> (accessed November 17, 2020).

- Mudde, Cas. (2002). Warum ist der Rechtsradikalismus in Osteuropa so schwach? *Osteuropa* 52(5): 626–630.
- Mykhnenko, Vlad. (2020). Causes and Consequences of the War in Eastern Ukraine: An Economic Geography Perspective. *Europe-Asia Studies* 72(3): 528–560.
- Nahaylo, Bohdan. (1994). Ukraine. *RFE/RL Research Report: The Politics of Intolerance* vol. 3(no. 16): pp. 42–49.
- Nakhmanovych, Vitaliy. (2016). *Fenomen «Svobody»: Vybortsi radykal'nykh natsionalistiv u dzerkali sotsiologii*. Kyiv: KMIS/VAAD.
- Nonjon, Adrien. (2018a). *L'Ukraine d'Azov: Représentations géopolitiques et stratégie de propagande d'un régiment ultranationaliste ukrainien: Master Thesis*. Paris: Université Paris 8, http://www.academia.edu/37674504/LUkraine_dAzov_représentations_géopolitiques_et_stratégie_de_propagande_dun_régiment_ultranationaliste_ukrainien_A.NONJON_Mémoire_de_Master_1 (accessed November 17, 2020).
- Nonjon, Adrien. (2018b). *Natsionalniy Druzhyny, les phalanges du 'Nouvel Ordre' ukrainien?* Kyiv, http://www.academia.edu/35957866/Natsionalniy_Druzhyny_les_phalanges_du_Nouvel_Ordre_ukrainien_pdf (accessed November 17, 2020).
- Nonjon, Adrien. (2018c). *'Pro zemliu ridnyy': Eco-nationalisme, Ecologie radicale de droite et Eco-fascisme dans l'espace ukrainien. Master Thesis*. Paris: Université Paris 8, http://www.academia.edu/37673324/ПРО_ЗЕМЛЮ_РІДНИЙ_Еco-nationalisme_Ecologie_radicale_de_droite_et_Eco-fascisme_dans_lespace_ukrainien_A.NONJON_Mémoire_de_Master_2 (accessed November 17, 2020).
- Olszański, Tadeusz. (2011). Svoboda Party: The New Phenomenon on the Ukrainian Right-Wing Scene. *OSW Commentary*, <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2011-07-05/svoboda-party-new-phenomenon-ukrainian-right-wing-scene> (accessed November 17, 2020).
- Panchenko, Volodymyr. (2011). Lehalizatsiya ta diyal'nist' OUN v Ukrayini protyahom 1990-kh rr. *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho natsional'noho universytetu* (30): 38–41.
- Panina, Natal'ya. (2006). Faktori natsional'noy identichnosti, tolerantnosti, ksenofobii i antisemitizma v sovremennoy Ukraine. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* 1: 26–38.
- Paniotto, Vladimir. (2008). Dinamika ksenofobii i antisemitizma v Ukraine (1994–2007). *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* 1: 197–213.
- Payne, Leigh. (2000). *Uncivil Movements: The Armed Right Wing and Democracy in Latin America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Pedahzur, Ami & Weinberg, Leonard. (2001). Modern European Democracies and Its Enemies: The Threat of the Extreme Right. *Totalitarian Movements and Political Religions* 2(1): 52–72.
- Piotrowski, Grzegorz. (2009). Civil Society, Un-Civil Society and the Social Movements. *Interface: A Journal for and about Social Movements* 1(2): 166–189.
- Polyakova, Alina. (2014). From the Provinces to the Parliament: How the Ukrainian Radical Right Mobilized in Galicia. *Communist and Post-Communist Studies* 47(2): 211–225.
- Polyakova, Alina. (2015a). *The Dark Side of European Integration: Social Foundations and Cultural Determinants of the Rise of Radical Right Movements in Contemporary Europe*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Polyakova, Alina. (2015b). Parties and Subcultures in the Process of Mobilization: The Internal Dynamics of the Radical Right in Ukraine. *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process, Extremism and Democracy*. M. Minkenberg. Abingond: Routledge, 319–347.
- Puglisi, Rosaria. (2015a). General Zhukov and the Cyborgs: A Clash of Civilisation within the Ukrainian Armed Forces. *Istituto Affari Internazionali (IAI) Working Papers* 15(17).

- Puglisi, Rosaria. (2015b). Geroi ili zlodei? Dobrovol'cheskiye batal'ony v poslemaydannoy Ukraine. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 12(1): 79–98.
- Puglisi, Rosaria. (2015c). Heroes or Villains? Volunteer Battalions in Post-Maidan Ukraine. *Istituto Affari Internazionali (IAI) Working Papers* 15(8).
- Rabe, Jan. (2019). *Rechtsextremismus in der Ukraine: Gruppierungen und ihre Aktivitäten im Überblick*. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung.
- Radchenko, Yuri. (2015). From Staryi Uhryniv to Munich: The First Scholarly Biography of Stepan Bandera. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* 1(2): 429–458.
- Ramet, Sabrina. (ed.) (1999). *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989*. University Park, PA, Pennsylvania State University Press.
- Riabchuk, Mykola. (2016). Ukraine's Turbulent Past Between Hagiography and Demonization. *Raam op Rusland*, 2 November, <http://raamoprusland.nl/dossiers/oekraine/311-ukraine-s-turbulent-past-between-hagiography-and-demonization> (accessed November 17, 2020).
- Risch, William. (2015). What the Far Right Does Not Tell Us about the Maidan. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 16(1): 137–144.
- Rossoliński-Liebe, Grzegorz. (2014). *Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Rudling, Per. (2006). Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence, and Ideology. *Canadian Slavonic Papers* 48(1-2): 81–119.
- Rudling, Per. (2012). Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary Ukraine. *Mapping the extreme right in contemporary Europe: From local to transnational*. A. Mammone, E. Godin and B. Jenkins. Abingdon: Routledge, 189–205.
- Rudling, Per. (2016). The Cult of Roman Shukhevych in Ukraine: Myth Making with Complications. *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies* 5(1): 26–65.
- Rudling, Per. (2013). The Return of the Ukrainian Far Right: The Case of VO 'Svoboda'. *Analyzing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text*. R. Wodak and J. E. Richardson. Abingdon: Routledge, 228–255.
- Rudling, Per. (2019). Eugenics and Racial Anthropology in the Ukrainian Radical Nationalist Tradition. *Science in Context* 32: 67–91.
- Rudling, Per. (2020). *Tarnished Heroes: The Organization of Ukrainian Nationalists in the Memory Politics of Post-Soviet Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Rumyantsev, Feodor. (2006). Boyevik, tesno svyazanny s Kremlem. *Gazeta.ru*, 18 March, http://www.gazeta.ru/2006/03/18/oa_192559.shtml (accessed November 17, 2020).
- Ryabchuk, Mykola. (2017). Svitlo vid temryavy: Andreas Umland, pam'yat' pro UPA i yevrointehratsiya Ukrayiny. *Istorychna pravda*, 14 January, <http://www.istpravda.com.ua/columns/2017/01/14/149456/> (accessed November 17, 2020).
- Sergackova, Ekaterina. (2015). Freiwillig: Kleines Who's Who ukrainischer Bataillonskommandeure. *Osteuropa* 65(1-2): 23-32.
- Shapovalova, Natalia. (2018). The Two Faces of Conservative Civil Society in Ukraine." *Carnegie Europe*, 4 October, <http://carnegieeurope.eu/2018/10/04/two-faces-of-conservative-civil-society-in-ukraine-pub-77374> (accessed November 17, 2020).
- Shcherbyna, Serhey. (2011). Politychni tok-shou: Yak vony tse roblyat'? *Ukrayins'ka pravda*, 7 June, <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/06/7/6275793/> (accessed November 17, 2020).
- Shekhovtsov, Anton. (2011a). The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party. *Europe-Asia Studies* 63(2): 203–228.

- Shekhovtsov, Anton. (2011b). *Novyye radikal'nyye partii v yevropeyskikh demokratiyakh: Prichiny elektoral'noy podderzhki*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Shekhovtsov, Anton. (2013a). The Dubious Role of Bratstvo in the 2012 Parliamentary Elections in Ukraine. *Anton Shekhovtsov's Blog*, 7 December, <http://anton-shekhovtsov.blogspot.de/2013/12/korchynskys-bratstvo-in-2012.html> (accessed November 17, 2020).
- Shekhovtsov, Anton. (2013b). From Para-Militarism to Radical Right-Wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-Right Party Svoboda. *Right-wing populism in Europe : politics and discourse*. R. Wodak, M. KhosraviNik and B. Mral. London: Bloomsbury, 249-263.
- Shekhovtsov, Anton. (2013c). «Re-organisation of the Ukrainian space», or Putin's agents in Ukraine. *Anton Shekhovtsov's blog*, 20 December, <http://anton-shekhovtsov.blogspot.com/2013/12/re-organisation-of-ukrainian-space-or.html> (accessed November 17, 2020).
- Shekhovtsov, Anton. (2013d). Ukrainian Extra-Parliamentary Extreme Right Behind the Provocations at the President Administration. *Anton Shekhovtsov's Blog*, 1 December, <http://anton-shekhovtsov.blogspot.com/2013/12/ukrainian-extra-parliamentary-extreme.html> (accessed November 17, 2020).
- Shekhovtsov, Anton. (2013e). The Ukrainian Revolution Is European and National. *Eurozine*, 13 December, www.eurozine.com/the-ukrainian-revolution-is-european-and-national/ (accessed November 17, 2020).
- Shekhovtsov, Anton. (2013f). Vseukrainskoye ob'yedineniye «Svoboda»: Problema legitimnosti bor'by za vlast'. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 9(1): 22–63.
- Shekhovtsov, Anton. (2013g). Vseukrayins'ke ob'yednannya «Svoboda»: problema lehitymnosti borot'by za vladu. *Ukrayina Moderna* 20: 171–213.
- Shekhovtsov, Anton. (2014a). Ukrainskiye krayne pravyye i Yevromaydan. *Glavkom*, 3 January, <http://glavcom.ua/articles/16580.html> (accessed 17 November 2020).
- Shekhovtsov, Anton. (2014b). From Electoral Success to Revolutionary Failure: The Ukrainian Svoboda Party. *Eurozine*, 5 March, <http://www.eurozine.com/articles/2014-03-05-shekhovtsov-en.html/> (accessed November 17, 2020).
- Shekhovtsov, Anton. (2015). The Ukrainian Far Right and the Ukrainian Revolution. *N.E.C. Black Sea Link Program Yearbook 2014-2015*. I. Vainovski-Mihai. Bucharest: New Europe College, 216–237.
- Shekhovtsov, Anton. (2019a). Radikale Parteien, irreguläre Verbände: Ukrainische Milizen aus dem rechtsextremistischen Milieu. *Osteuropa* 69(3-4): 149–162.
- Shekhovtsov, Anton. (2019b). Why Azov Should not Be Designated a Foreign Terrorist Organization. *Ukraine Alert*, <http://atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/why-azov-should-not-be-designated-a-foreign-terrorist-organization/> (accessed November 17, 2020).
- Shekhovtsov, Anton & Polyakova, Alina. (2016). On the Rise: Europe's Fringe Right. *World Affairs* 179(1): 70–80.
- Shekhovtsov, Anton & Umland, Andreas. (2013). Ultraright Party Politics in Post-Soviet Ukraine and the Puzzle of the Electoral Marginalism of Ukrainian Ultranationalists in 1994-2009. *Russian Politics and Law* 51(5): 33-58.
- Shekhovtsov, Anton & Umland, Andreas. (2014). Ukraine's Radical Right. *Journal of Democracy* 25(3): 58-63.
- Shtohrin, Iryna. (2018). 'S14' Natsionalisty-radykaly chy neonatsysty? *Radio Svoboda*, 19 March, <https://www.radiosvoboda.org/a/29109819.html> (accessed November 17, 2020).
- Shukan, Ioulia. (2020). Defending Ukraine at the Rear of the Armed Conflict in Donbas: Wartime Vigilantism in Odesa (2014–2018). *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 11(3): 71–104.
- Solchanyk, Roman. (1999). The Radical Right in Ukraine. *The Radical Right in Central and Eastern Europe since 1989*. S. Ramet. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 279-296, 357-358.

- Soroka, George & Stepniewski, Tomasz (eds.). (2018). *Ukraine after Maidan: Revisiting Domestic and Regional Security*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Stepanenko, Viktor & Pylynskyi, Yaroslav (eds.). (2015). *Ukraine after the Euromaidan: Challenges and Hopes*. Bern: Peter Lang.
- Stojarová, Vera. (2016). *The Far Right in the Balkans*. Manchester: Manchester University Press.
- Strana.UA. (2020). V Kiyeve proveryat' transport i dokumenty v karantin budut ul'trapravyye. *Strana.UA*, 21 March, <http://strana.ua/news/256399-munitsipalnaja-varta-budet-patrulirovat-kiev-i-proverjat-dokumenty.html> (accessed November 17, 2020).
- Toal, Gerard. (2016). *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press.
- TSN. (2013). Korchyns'kyy pislya shturmu Bankovoyi vyyikhav do Rosiyi, a polkovnyk «Berkutu» mih zaymatysya provokatsiyamy. *TSN*, 5 December <http://tsn.ua/politika/korchynskiy-pislya-shturmu-bankovoyi-viyihav-do-rosiyi-a-polkovnik-berkutu-mig-zaymatisya-provokatsiyami-323778.html> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas. (2006). Fashistskiy drug Vitrenko: strannyi soyuz mezhdou ukrainskim «progressivnym sotsializmom» i rossiyskim «neoyevraziystvom». *Ukrainskaya pravda*, 26 October, <http://pravda.com.ua/ru/news/2006/9/27/46953.htm> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas. (2007). Aleksandr Dugin, yevropeyskiy fashizm i Vitrenko: chto obshchego? *Ukrainskaya pravda*, 20 July, <http://pravda.com.ua/news/2007/7/20/61687.htm> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas. (2009a). Patologicheskiye tendentsii v russkom «neoyevraziystve»: o znachenii vzleta Aleksandra Dugina dlya interpretatsii obshchestvennoy zhizni sovremennoy Rossii. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 5(2): 127–143.
- Umland, Andreas. (2008a). Der Begriff der 'unzivilen Gesellschaft' als Instrument der historischen und aktuellen Rechtsextremismusforschung. *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen* 21(4): 63–67.
- Umland, Andreas. (2008b). Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen. *Ukraine-Analysen* 41: 7–10.
- Umland, Andreas. (2008c). Krayne slabyye. *Korrespondent*, 19 June 2008, <http://blogs.korrespondent.net/opinions/497561-mnenie-krajne-slabye> (accessed 19 June 2008).
- Umland, Andreas. (2009b). Orange Revolution als Scheideweg: Demokratisierungsschub in der Ukraine, Restaurationsimpuls in Russland. *Osteuropa* 59(11): 109–120.
- Umland, Andreas. (2010). Does Yanukovich's Coalition Government Have a Popular Mandate? The 'Tushki' and Decline of Ukrainian Representative Democracy. *Foreign Policy Journal*, 27 March, <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/03/27/does-yanukovichs-coalition-government-have-a-popular-mandate/> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas. (2011). Ukraine Right-Wing Politics: Is the Genie out of the Bottle? *Open Democracy*, 3 January, <http://www.opendemocracy.net/od-russia/andreas-umland/ukraine-right-wing-politics-is-genie-out-of-bottle> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas. (2013a). Starting Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism Studies from Scratch: Guest Editor's Introduction. *Russian Politics and Law* 51(5): 3–10.
- Umland, Andreas. (2013b). A Typical Variety of European Right-Wing Radicalism? *Russian Politics and Law* 51(5): 86–95.
- Umland, Andreas. (ed.) (2013c). Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism. *Russian Politics & Law* 51(5): 3–95.
- Umland, Andreas. (2014). The Right-Wing Extremisms of Post-Soviet Russia and Ukraine, 1991–2014: Hypotheses on Differences in Their Permutation and Performance. *Danyliw Seminar on*

- Contemporary Ukraine*. Ottawa: University of Ottawa.
- Umland, Andreas. (2016a). Dobrovol'cheskiye vooruzhonnyye formirovaniya i radikal'nyy natsionalizm v poslemaydannoy Ukraine: nekotoryye osobennosti vozniknoveniya polka "Azov". *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 13(1): 141–178.
- Umland, Andreas. (2016b). How Moscow Is Subverting Ukraine's Bid for Freedom. *Foreign Policy*, 26 February, <http://foreignpolicy.com/2016/02/26/how-moscow-is-subverting-ukraines-bid-for-freedom/> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas. (2016c). Oekraïnes herdenkingspolitiek belemmert Europese integratie. *Raam op Rusland*, 29 September, <http://raamoprusland.nl/dossiers/oekraïne/285-oekraïnes-herdenkingspolitiek-belemmert-europese-integratie> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas. (2019a). Irregular Militias and Radical Nationalism in Post-Euromaidan Ukraine: The Prehistory and Emergence of the 'Azov' Battalion in 2014. *Terrorism and Political Violence* 31(1): 105–131.
- Umland, Andreas. (2019b). Will Ukraine's Far-Right Parties Fail Again in 2019? *Forum for Ukrainian Studies*, <https://ukrainian-studies.ca/2019/03/14/will-ukraines-far-right-parties-fail-again-in-2019/> (accessed November 17, 2020).
- Umland, Andreas & Zaitsev, Oleksandr (eds.). (2015). The Ukrainian Radical Right in Past and Present: Studies in Ideology, Memory and Politics. *Communist and Post-Communist Studies* 48(2–3): 169–271.
- Umland, Andreas & Yurchuk, Yuliy (eds.). (2017-2021). Issues in the History and Memory of the OUN. Vols. I-IV. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* 3(2), 4(2), 6(1), 7(1).
- Vasil'chenko, Sergey. (2013). 'Svoboda' protiv vseh: kratkiy obzor rezul'tatov radikal'nykh pravyykh na vyborakh 1994–2012. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* 9(1): 64–92.
- Vasyl'chuk, Yevhen. (2018). *Pravyy radykalizm v Ukrayini: Al'ternatyvna stratehiya*. Cherkasy: Tretyakov O.M.
- Wilson, Andrew. (2006). *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wilson, Andrew. (2014). *Ukraine Crisis: What It Means for the West*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wodak, Ruth, Khosravinik, Majid & Mral, Brigitte (eds.). (2013). *Right Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. London: Bloomsbury Academic.
- Wodak, Ruth & Richardson, John (eds.). (2012). *Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text*. Abingdon: Routledge.
- Wood, Elizabeth, Pomeranz, William, Wayne, Merry & Trudolyubov, Maxim. (2016). *Roots of Russia's War in Ukraine*. New York, NY: Woodrow Wilson Center Press.
- Wynnyckij, Mychailo. (2019). *Ukraine's Maidan, Russia's War: A Chronicle and Analysis of the Revolution of Dignity*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Yakovchenko, Olexiy. (2012). Re-Consider the Inclusion of Svoboda into the CAD: Open Letter to the Leaders of Ukraine's Democratic Opposition Regarding the Inclusion of the "Svoboda" Party into the Committee Against Dictatorship. *Change.org*, 1 April, http://www.academia.edu/12935216/Re-consider_the_inclusion_of_Svoboda_into_the_CAD_Open_Letter_to_the_Leaders_of_Ukraines_Democratic_Opposition_Regarding_the_Inclusion_of_the_Svoboda_Party_into_the_Committee_Against_Dictatorship (accessed November 17, 2020).
- Yavir, Iryna. (2016). Time to Party for Azov. *Reft<=>Light*, 11 October, <http://reftlight.euromaidanpress.com/2016/10/11/time-party-azov/> (accessed November 17, 2020).
- Yurchuk, Yuliya. (2017). Reclaiming the Past, Confronting the Past: OUN-UPA Memory Politics and Nation-Building in Ukraine (1991-2016). *War and Memory in Russia, Ukraine, and Belarus*. J. Fedor, M.

- Kangaspuro, J. Lassila and T. Zhurzhenko. New York: Palgrave Macmillan, 107–137.
- Zaitsev, Oleksandr. (2013). Ukrainian Integral Nationalism in Quest of a 'Special Path' (1920s–1930s). *Russian Politics & Law* 51(5): 11–32.
- Zaitsev, Oleksandr. (2015). De-Mythologizing Bandera: Towards a Scholarly History of the Ukrainian Nationalist Movement. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* 1(2): 411–420.
- Zajaczkowski, Johann. (2019). Homogenität und Fragmentierung: Ukrainische Freiwilligenbataillone im Wandel. *Osteuropa* 69(3-4): 81-103.
- Zhartovskaya, Mariya & Kravets, Roman. (2018). Natsional'nyye druzhiny: Kto oni – natsionalisty, kotoryye vozmutili sotsseti i ugrozhayut primenit' silu. *TSN.ua*, 2 February, <https://tsn.ua/ru/politika/nacionalnye-druzhiny-kto-oni-nacionalisty-kotorye-vozmutili-socseti-i-ugrozhayut-primenit-silu-1101500.html> (accessed November 17, 2020).